

ИСТОРИЯ РОССИИ ВТОРОГО ПЕРИОДА И ПОЛЬСКО–РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ЭТОГО ПЕРИОДА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ В.О. КЛЮЧЕВСКОГО

Т.Т. КРУЧКОВСКИЙ

*Гродненский государственный университет имени Я. Купалы,
г. Гродно, Республика Беларусь*

Введение. В данной статье автор ставит целью, рассматривая наиболее известную историческую концепцию истории России перелома XIX – XX веков В.О. Ключевского, выделить и показать в ней место и историческую роль польско–литовского государства. История Польши и ВКЛ ученым отдельно не исследовалась, а рассматривалась как часть истории России или часть ее внешнеполитических отношений. Творчество Ключевского характеризуется значительной широтой и плодотворностью: он является автором работ по методологии, источниковедению, историографии, истории Западной Европы и, прежде всего, «Курса русской истории» [1–4]. Значение творческого наследия ученого признавалось в современной ему российской науке независимо от ее направлений [5–8]. Видная роль историка с различными оговорками о классовом характере его трудов, о недопонимании марксизма признавалась и советской историографией [9–17]. В современной науке признается огромное значение исторического наследия ученого, его историософской концепции истории России для развития русской исторической науки [18–35]

Вместе с тем оценки исторического наследия В.О. Ключевского по ряду важнейших его составляющих параметров как в современной ему российской науке, так и в советской и современной российской историографии не однозначны и порой даже противоречивы. Остается вне заинтересованности исследователей также и историческая полонистика ученого. В поле внимания исследователей попали только ее некоторые аспекты в творчестве В.О. Ключевского [36–40]. Специального комплексного историографического исследования данной проблематики не существует.

Основная часть. Второй период истории России, согласно Ключевскому, продолжался с XIII до половины XV века. При этом историк утверждал, что никакое поворотное событие не отделяло его от предыдущего: «Нашествие монголов нельзя признать таким раздельным событием: монголы застали Русь на походе, во время передвижки, которую ускорили, но которой не вызвали; новый склад жизни завязался до них» [1, т.1, с.116]. «Историческая сцена меняется как–то вдруг, неожиданно [...] Под первым впечатлением этой перемены мы не можем дать себе ясного отчёта ни в том, куда девалась старая Киевская Русь, ни в том, откуда выросла Русь новая, верхневолжская» [1, т.1, с. 275]. «Русь днепровская, – отмечал он далее, – сменяется Русью верхневолжской; волостной город уступает своё место князю, с которым прежде соперничал. Эта двоякая перемена, территориальная и политическая, создаёт в верхневолжской Руси совсем иной экономический и политический быт, непохожий на киевский» [1, т.1, с. 275].

Переселение населения Киевской Руси, по мнению Ключевского, «к двум противоположным окраинам Русской земли» привело к ряду последствий, этнографическим и политическим [1, т.1, с. 293]. При этом историк оговаривался, что ограничится преимущественно изучением только северо–восточной Руси, «бросив в изучаемом периоде беглый взгляд на судьбу юго–западной Руси, мы надолго выпустили её из вида» [1, т.1, с. 350]. Связывал это ученый с тем, что там решалась дальнейшая историческая судьба России. «Главная масса русского народа, отступив перед непосильными внешними опасностями с днепровского юго–запада к Оке и верхней Волге, там собрала свои разбитые силы, окрепла в лесах центральной России, спасла свою народность» и, вооружив её силой сплочённого государства, опять пришла на днепровский юго–запад, чтобы спасти оставшуюся там слабейшую часть русского народа от чужеземного ига и влияния» [1, т.1, с. 294].

К политическим последствиям историк подводил положение о прекращении существования единой Русской земли Ярослава и Мономаха, «она была разорвана Литвой и татарами» [1, т.1, с. 335]. Впоследствии появился в этом процессе и польский фактор. «После того как юго–западная Русь с Галицией в XIV веке была захвачена Польшей и Литвой, днепровские пустыни стали юго–восточной окраиной соединённого Польско–Литовского государства» [1, т.1, с. 288]. Результат этих процессов Ключевский представил весьма образно: «Киев, основной узел княжеских и народных отношений, политических, экономических и церковных интересов Русской земли, поднимаясь после татарского разгрома, увидел себя пограничным степным городком чуждого государства» [1, т.1, с. 335].

К этнографическим последствиям ученый причислял ряд положений. В первую очередь это то, что «русская народность, завязавшаяся в первый период, в продолжение второго разорвалась надвое» [1, т.1, с. 294]. Вполне в славянофильской традиции он писал: «В связи с этим отливом населения на запад объясняется одно важное явление в русской этнографии, именно образование малороссийского племени [1, т.1, с. 286]. В документах XIV века для юго-западной Руси появляется название Малая Россия [1, т.1, с. 288]. Хотя историк и признавал возможность определенных отличий русского населения различных частей уже бывшей Киевской Руси, однако не считал их существенными в рамках единого народа. «Без сомнения, и до XIII века существовали некоторые местные бытовые особенности, сложившиеся под влиянием областного деления Русской земли и даже, может быть, унаследованные от более древнего племенного быта полян, древлян и пр. [...] Я разумею не эти древние племенные или областные особенности, а распадение народности на две новые ветви, начавшееся приблизительно с XIII века, когда население центральной среднеднепровской полосы, служившее основой первоначальной русской народности, разошлось в противоположные стороны, когда обе разошедшиеся ветви потеряли свой связующий и обобщающий центр, каким был Киев» [1, т.1, с. 295–296].

И подводя итог значению этого разделения, при этом говоря о третьей ветви – белорусской, Ключевский ничего не писал о времени и обстоятельствах ее появления. Он отмечал: «Чтобы оценить важность этого разветвления в нашей истории, достаточно припомнить численность соотношения трёх основных ветвей русского народа: великороссов приблизительно втрое больше, чем малороссов (в пределах России), а малороссов почти втрое больше, чем белорусов. Значит, великорусское племя составляет девять тринадцатых, или несколько более двух третей, в общей сумме русского населения России» [1, т.1, с. 295].

Все эти этнографические следствия Ключевский сводил к одному важнейшему факту: к образованию другой ветви в составе русской народности – великорусского племени [1, т.1, с. 295]. Он утверждал, что условия его образования были качественно иные, «великорусское племя вышло не из продолжавшегося развития этих старых областных особенностей, а было делом новых разнообразных влияний, начавших действовать после этого разрыва народности, притом в краю, который лежал вне старой, коренной Руси и в XII веке был более инородческим, чем русским краем» [1, т.1, с. 296]. «Переселенцы из разных областей старой Киевской Руси, – писал он далее, – поглотив туземцев-финнов, образовали здесь плотную массу, однородную и деловитую, со сложным хозяйственным бытом и всё осложнявшимся социальным составом, – ту массу, которая послужила зерном великорусского племени» [1, т.1, с. 82].

При этом, он также, как и его учитель, представлял эту русскую колонизацию фино-угров вполне мирным процессом. «Колонисты не вызывали туземцев на борьбу. Они принадлежали в большинстве к мирному сельскому населению [...] искавшему среди лесов Севера не добычи, а безопасных мест для хлебопашества и промыслов» [1, т.1, с. 298]. Подводя итог занятия восточных земель, ученый утверждал: «Происходило заселение, а не завоевание края, не порабощение или вытеснение туземцев [...] памятники не помнят ни завоевательных нашествий, ни оборонительных восстаний [...] русские переселенцы не вторгались в край финнов крупными массами, а, как бы сказать, просачивались тонкими струями, занимая обширные промежутки, какие оставались между разбросанными среди болот и лесов финскими посёлками» [1, т.1, с. 298].

Таким образом, по Ключевскому, в образовании великорусского племени совместно действовали два фактора: племенная смесь и природа страны. Исходя из такого положения, по Ключевскому, «вышла тройная смесь: 1) религиозная, которая легла в основание мифологического мирозерцания великороссов, 2) племенная, из которой выработался антропологический тип великоросса, и 3) социальная, которая в составе верхневолжского населения дала решительный перевес сельским классам» [1, т.1, с. 309]. Развивая это положение в отношении дальнейшей истории России, ученый утверждал, что точно так же нельзя объяснять ее историю только местными – национальными и другими – особенностями развития, оперируя понятиями Восток–Запад, Европа–Россия или применяя к последней западные мерки. Ключевский считал, что ненаучно определять историю России «этнографическим составом крови», как это делали славянофилы [...] Но неправы и западники, ибо «русский народ слишком велик, чтобы быть чужающим растением» [41, с. 329].

Рассматривая историю западнорусских земель, оказавшихся под властью ВКЛ, В.О. Ключевский, однако, не высказывался однозначно о характере этого государства и его отношениях с подвластными ему русскими территориями. Историк сам в отношении ВКЛ не проводил собственных исследований и, как показывает анализ его взглядов на эту проблематику, он находился в сфере

влияния стереотипов русской консервативной историографии истории ВКЛ (начиная от Н.Г. Устрялова и заканчивая М.О. Кояловичем).

Так, с одной стороны, Ключевский говорил о Литве, которая образовалась в конце XII столетия и подчинила остатки владений Руси, а также наложила на русские земли «новые чуждые политические отношения и культурные влияния», «чужой житейский строй готовился водвориться в старинных опустелых или полуразорённых гнёздах русской жизни» [1, т.1, с. 336]. А с другой стороны, он подчеркивал, что Литовское княжество, по большинству населения состоявшее из Руси [1, т.2, с. 101] и называл его Литовско–Русским государством [1, т.1, с. 341]. «Русские области, вошедшие в состав Литовского княжества, – писал далее историк, – земли Подольская, Волынская, Киевская, Северская, Смоленская и другие, как по пространству, так и по количеству населения значительно превосходили покорившее их Литовское государство. По племенному и культурному своему составу это Литовско–Русское княжество являлось больше русским, чем литовским государством» [1, т.3, с. 87]. Ученый, подчеркивая культурную доминацию Руси над собственно Литвой («русский язык и русское право, русские нравы вместе с православием уже около ста лет распространялись среди полудикой языческой Литвы»), даже считал, что Литва в этих условиях должна была слиться с Русью. «Культурное сближение соединенных народностей под преобладающим воздействием более развитой из них русской шло так успешно, что еще два–три поколения, и к началу XVI века можно было ожидать полного слияния Литвы с Западной Русью» [1, т.3, с. 87].

Одновременно историк считал, что литовское владычество изменило направление развития русских земель, «подчинение Литве внесло в тамошние княжеские отношения условия, давшие им совсем особое направление [...] Великий князь держался поверх местных князей, а не входил в их ряды, не был только старшим из удельных, что составляет одну из существенных особенностей удельного порядка в другой половине Руси [...] местных князей в Литовско–Русском государстве XIV – XV веков можно называть удельными только в очень условном смысле, за недостатком термина, точнее выражающего своеобразные отношения, какие там складывались» [1, т.1, с. 341]. Ученый даже писал, что «уже с начала XIV века уже объединившаяся Литва, готовилась к своему первому усиленному натиску на восточную Русь» [1, т.2, с. 11].

Принятие этого положения показывает, что историк считал литовский элемент политически доминирующим в ВКЛ и не поддерживал положения консервативной историографии о значительной обособленности русских земель. Как видим, В.О. Ключевский полностью не поддержал положения русской консервативной историографии о ВКЛ особенно до унии с Польшей как о русском государстве, которого придерживался и С.М. Соловьев. В.О. Ключевский был среди тех русских историков (В.А. Мякотин, П.А. Гейсман, Н.И. Кареев, М.К. Любавский и др.), которые, подчеркивая значительность русского влияния в Литве, считали, что в политическом плане преобладал литовский элемент. Так В.О. Ключевский, как и П.А. Гейсман [42, с.7], обосновывал это завоеванием в значительной степени Руси Литвой в XIII и XIV веках: «литовские князья постепенно подчиняют себе разьединенные и опустошенные княжества Западной Руси» [1, т.2, с. 104]. «В результате, – писал ученый, – в половине XV века вся Западная Русь, т. е. Белоруссия вместе с частью Великороссии, областью Смоленской и Русь Малая с соседними краями нынешних великорусских губерний – Курской, Орловской, даже с частями Тульской и Калужской входили в состав Литовско–Польского государства» [1, т.2, с. 100]. Сама раздробленная Русская земля в это время, по Ключевскому, не только распалась на две половины по своему внешнему политическому положению, но и оказалась полностью под иностранным господством: «юго–западная половина была под властью соединенных Польши и Литвы, северо–восточная – платила дань хану Золотой Орды. Значит, положение Русской земли в половине XV века можно определить двумя чертами: политическое порабощение извне и политическое раздробление внутри. На всем пространстве нашей равнины, где только обитала Русь, кроме Вятки, не было деревни, которая не находилось бы под чуждым иноземным игом» [1, т.2, с. 101].

Другим фактором успешного литовского завоевания он считал монгольское завоевание. «Эта Русь со своими князьями не оказывала особенно упорного сопротивления Литве, которая освободила ее от татарской неволи» [1, т.2, с. 104]. «С тех пор начинается могущественное культурное и политическое влияние Западной Руси, – писал ученый, – на Литву. Уже к концу XIV века, – утверждал он, приближаясь к позиции своего учителя. – Литва и по составу населения, и по складу жизни представляла из себя больше русское, чем литовское, княжество» [1, т.2, с. 104].

Однако этот процесс был изменен, по Ключевскому, поддерживающей здесь общую позицию русской историографии польско–литовскими унией. «Это событие произвело важные перемены в

положении Западной Руси. Покорение этой Руси литовскими князьями сопровождалось подчинением Литвы русскому влиянию» [1, т.2, с. 104]. «В1386 году литовский великий князь Ягелло (Яков), воспитанный в православии своею матерью, рожденной княжной тверской Юлианией, – писал он далее, – женился на наследнице Польского королевства Ядвиге и принял католичество [1, т.2, с. 104].

Польско–литовская уния именуется историком «политической сделкой польских панов с великим князем литовским Ягайлом» [1, т.3, с. 87]. Однако он признавал политические интересы сторон. «Сделка основана была на обоюдных расчетах сторон: Ягайло надеялся, став королем и приняв католицизм со всем своим народом, найти в Польше и папе поддержку против опасного Тевтонского ордена, а полякам хотелось через Ягайла взять в свое распоряжение силы и средства Литвы и особенно Западной Руси, Волыни, Подолии, Украйны» [1, т.3, с. 88].

Вместе с тем, возвращаясь к традиционным позициям русской историографии, Ключевский далее оговаривался, отмечая, что «это было механическое соединение двух несродных и даже враждебных государств, скорее, дипломатическая интрига, рассчитанная на обоюдные недоразумения, чем политический акт, основанный на единстве взаимных интересов [1, т.3, с. 88]. Далее называя польско–литовскую унию династическим союзом и не объясняя как он смог в таких условиях сохраниться, историк утверждал, что «этот династический союз Литвы и Польши завязал роковой для соединенного государства религиозно–политический узел» [1, т.2, с. 104].

В русской историографии неоднократно отмечалось, что Польша, осуществив посредством унии с ВКЛ поворот своей внешнеполитической деятельности на Восток, тем самым брала на себя ряд проблем Литвы, а том числе и наиболее важную и опасную – борьбу с Москвой за объединение русских земель [43, с.179]. В.О. Ключевский утверждал, что из этого обязательства вышла вековая борьба двух славянских государств – России и Польши [1, т.2, с. 111]. «Взаимные счеты и недоразумения, – справедливо замечал историк, – разделявшие Польшу – Литву и Москву, близорукость их правительств и пренебрежение к интересам своих народов мешали обоим государствам устроить дружную борьбу со степными хищниками» [1, т.2, с. 198].

В.О. Ключевский в традициях русской историографии придавал большое значение в этом соперничестве России и польско–литовского государства конфессиональному фактору, хотя и следует признать несколько меньшее, чем такие его знаменитые предшественники как Н.М. Карамзин, или С.М. Соловьев. Как отмечается в современной российской историографии внимание это меньшее, чем можно было ожидать от сына попovichа [36, с. 5], или, добавим, профессора духовной православной академии. Однако, на наш взгляд, хотя Ключевский не рисовал образных картин религиозной войны между Московской Россией и Польшей, как Карамзин, или Соловьев, но характер его рассказа об этом противостоянии укладывается в характеристику его знаменитых предшественников. Польско–российское противостояние было обусловлено, по его мнению, – с одной стороны – католической экспансией Польши, а с другой – религиозным «затмением» Москвы. Он писал: «Основным мотивом этой самоуверенности была мысль, что православная Русь осталась в мире единственной обладательницей и хранительницей христианской истины, чистого православия. Из этой мысли посредством некоторой перестановки понятий национальное самознание вывело убеждение, что христианство, которым обладает Русь, со всеми его местными особенностями и даже с туземной степенью его понимания есть единственное в мире истинное христианство, что другого чистого православия, кроме русского, нет и не будет» [1, т.3, с. 276]. В результате можем сказать, что Ключевский также принимал российско–польское соперничество в XV–XVII веках как отчасти религиозную войну. Другое дело, что по общей причине преимущественно академического изложения проблемы он описывал его не так ярко и красочно, как названные предшественники.

«С тех пор началась при содействии польско–литовского правительства, писал далее историк вполне в традиции русской консервативной историографии, католическая пропаганда в Западной Руси. Пропаганда эта особенно усилилась во второй половине XV века, когда Литвой правил сын Ягелло Казимир IV» [1, т.2, с. 104]. В настоящее время положение о значительном католическом засилии в ВКЛ в XV–XVI веках является дискуссионной проблемой в польской и значительной части белорусской и украинской исторической науке [44–46]. Согласно утверждению В.О. Ключевского: «Православное русское общество оказывало стойкое противодействие католическим миссионерам. В Западной Руси начиналось сильное брожение, «замятия великая» между католиками и православными» [1, т.2, с. 104]. Это положение историк, в частности подтверждал народным сказанием о сне инокини, видевшей Витовта в аду, которое, по его мнению, – «противопоставляло литовского короля, врага Руси и православие» [1, т.2, с. 25].

Однако главным в этом вопросе, по мнению ученого, было отношение самого православия к католическому Западу, представленном преимущественно Польшей на русских землях. Это отношение непринятия иноверия, которое позже, по его словам, вылилось в «латинобоязнь» и «затмение вселенской идеи церкви» теорией о том, что «русская поместная церковь обладает всей полнотой христианского вселенского сознания» [1, т.3, с. 277]. «Католический и протестантский Запад, – писал ученый, – был слишком чужд и подозрителен для православной Великороссии по своим верованиям, обычаям и порядкам» [1, т.2, с. 309]. Примером такого поведения историк считал отношение Москвы к Флорентийской унии, отметив, что даже митрополита, выразившего на нее согласие, посчитали за «сатанина сына грека Исидора митрополита, принесшего унию в Москву» [...], и что он такими действиями «олатынил бы он русскую церковь, исказил бы древнее благочестие» [1, т.3, с. 274]. Эти религиозные положения под влиянием политических успехов православной Руси и политических несчастий православного Востока, – отмечал В.О. Ключевский, – выразились в национально–церковное самомнение, политически оформившись в теорию «Москва – третий Рим» [1, т.3, с. 275–276].

Эти религиозно–политические идеи, – отмечал историк, – Москва стала использовать в борьбе с польско–литовским государством. «Увлекаемые этим религиозным движением и православные князья Западной Руси», – считал Ключевский, – «начали один за другим приставать к Москве как к своему религиозному центру» [1, т.2, с. 104]. Ученый весьма образно показывал это на примере старого принципиального врага Москвы Новгородской республики, стремившейся для сохранения своей независимости опереться на поддержку католического польско–литовского государства. «Послушайте, как самоуверенно объясняет связь мировых событий своего времени русский митрополит Филипп I. В 1471 году он пишет замутившимся против Москвы новгородцам: «И о том, дети, подумайте: Царьград непоколебимо стоял, пока в нем, как солнце, сияло благочестие, а как скоро покинул он истину да соединился с латиной, так и попал в руки поганых» [1, т.3, с. 275].

С другой стороны, В.О. Ключевский, как и ряд историков (Н.И. Кареев, В.А. Мякотин, В.А. Бильбасов, Ф.М. Уманец и др.), а впоследствии и такие его ученики, как М.К. Любавский, П.Н. Милюков, признавали успешность и значительность польского цивилизационного влияния на западнорусские земли. Так, Ключевский признавал, что «со времени соединения Литвы с Польшей русское влияние в Литовском княжестве начало вытесняться польским» [1, т.3, с. 88]. Это влияние, считал историк, шло различными путями. Он выделял проблему государственного устройства. «Сеймы, на которых решались общие дела обоих союзных государств: литовско–русские вельможы, встречаясь здесь с польскими панями, знакомились с их политическими понятиями и с порядками, господствовавшими в Польше» [1, т.3, с. 88]. С другой стороны, историк писал о польском варианте социально–общественного строя, «польское влияние проводилось в Литву – Русь жалованными грамотами великих князей литовских, которые назывались привилеями и устанавливали в Литве такой же порядок управления, такие же права и отношения сословий, какие господствовали в Польше» [1, т.3, с. 88]. Исходя из этого, ученый делал нетрадиционный для русской историографии вывод: «Проникая этими путями, польское влияние глубоко изменило как устройство управления, так и склад общества в русских областях, вошедших в состав Литовского княжества» [1, т.3, с. 88].

Однако эти выводы историк далее не развивал, свидетельством этого являются его оценки последующих польско–литовских уний. Наиболее фундаментальное исследование в русской исторической науке, посвященное процессу интеграции литовско–русского государства с Польшей, развитию внутренних предпосылок этого сложного и уникального для тогдашней Европы процесса объединения столь различных государств, принадлежит уже его ученику М.К. Любавскому [47]. Написано оно с позиции противоположной М.О. Кояловичу, известному историку русской православной церкви. М.К. Любавский отмечал, что представляет собой научный интерес изучение процесса ассимиляции в государственном строе и быте литовско–русского государства как общего итога социально–политического развития федерального государства (имеется в виду ВКЛ, которое Любавский, как впоследствии и Речь Посполитую считал федеративным государством – Т.К.) и предпосылок унии 1569 года [47, с.7].

Государством, которому суждено было объединить и освободить русские земли, была Москва. Историк утверждал, что в удельные века путем колонизации в Центральной и Северной Руси сложилось новое племя в составе русского населения, образовалась новая народность – великорусская [1, т.2, с. 107]. В удельной Руси прочные связи единства земского окрепли, но окончательно разрушилось политическое единство. Удельный порядок, по Ключевскому, стал переходной политической формой, посредством которой Русская земля от единства национального перешла к един-

ству политическому [1, т.1, с. 107]. Историк не рассматривал подробно историю этого периода, приводя оценки Карамзина и Соловьева [1, т.1, с. 351]. Отдельно он подчеркивал, что удельный порядок был причиной упадка земского сознания и нравственно–гражданского чувства в князьях (он употреблял термин «одичание князей») и в обществе. «Самое это слово Русская земля довольно редко появляется на страницах летописи удельных веков» [1, т.1, с. 365].

«До половины XV века эта народность, – считал Ключевский, – оставалась лишь фактом этнографическим, без политического значения: она была разбита на несколько самостоятельных и разнообразно устроенных политических частей; единство национальное не выражалось в единстве государственном» [1, т.1, с. 107]. История переходного перехода, – по мнению ученого, – это история одного из удельных княжеств – Московского [1, т.1, с. 366].

Рассматривая начальную историю Московского княжества, В.О. Ключевский признавал, вслед за Н. М. Карамзиным, особую роль в ее возвышении монголо–татар [1, т.1, с. 21]. При этом он поддерживал положение о том, что «ордынские ханы не навязывали Руси каких–либо своих порядков, довольствуясь данью» [1, т.2, с. 13, 19–20 и др.]. Историк даже считал, что «в опустошенном общественном сознании оставалось место только инстинктам самосохранения и захвата. Только образ Александра Невского несколько прикрывал ужас одичания и братского озлобления» [1, т.2, с. 41]. Далее он предполагал, что «если бы они были предоставлены вполне самим себе, они разнесли бы свою Русь на бессвязные, вечно враждующие между собою удельные лоскутья. Но княжества тогдашней Северной Руси были не самостоятельные владения, а даннические «улу-сы» татар; их князья звались холопами «вольного царя», как величали у нас ордынского хана. Власть этого хана давала, хотя призрак единства мельчавшим и взаимно отчуждавшимся вотчинным углам русских князей [...] Гроза ханского гнева сдерживала забияк; милостью, т. е. произволом, хана не раз предупреждалась или останавливалась опустошительная усобица. Власть хана была грубым татарским ножом, разрезавшим узлы, в какие умели потомки Всеволода III запутывать дела своей земли» [1, т.2, с. 41]. Ученый даже утверждал, что «орда стала слепым орудием, с помощью которого создавалась политическая и народная сила, направившаяся против нее же» [1, т.2, с. 22].

В удельное время территориальные приобретения московских князей, – считал он, – носили характер или захватов, или частных хозяйственных сделок с соседними князьями [1, т.2, с. 102]. В отношении к Орде политику московских князей исследователь характеризовал следующим образом: «Они пока вовсе не думали о борьбе с татарами; видя, что на Орду гораздо выгоднее действовать «смирной мудростью», т. е. угодничеством и деньгами, чем оружием, они усердно ухаживали за ханом и сделали его орудием своих замыслов. Никто из князей чаще Калиты не ездил на поклон к хану, и там он был всегда желанным гостем, потому что приезжал туда не с пустыми руками [...]. Хан поручил Калите наказывать тверского князя за восстание [1, т.2, с. 20]. Отмечая эти методы возвышения Москвы и ее цели, историк считал, что здесь проявилось противоречие – «в Москве заявляли притязание на всю Русскую землю как на целый народ во имя государственного начала, а обладать ею хотели как отчиной на частном удельном праве» [1, т.2, с. 120].

После таких оценок московской политики историк переходил к утверждению, что «когда Московское княжество вбирало в себя разъединенные части Русской земли, и, как первый процесс превратил Московское княжество в национальное Русское государство, так результатом второго было превращение московского великого князя в единственного, т. е. единодержавного, русского государя» [1, т.2, с. 28]. По его мнению, внешние дела Москвы вызывали мысль о народности, о народном государстве и «придавало эгоистической работе московских собирателей земли характер народного дела, патриотического подвига» [1, т.2, с. 109]. Совпадение их земельных притязаний с пределами Великороссии, – продолжал он, – заставляло их «слить свой династический интерес с народным благом, выступить борцами за веру и народность» [1, т.2, с. 109–110]. В результате этого, – считал историк, – к половине XV века, когда завершилось образование великорусской народности, ей недоставало только единства политического, которым и стала Москва [1, т.2, с. 96]. «Это княжество вобрало в себя целую народность, которая соединяется под одной государственной властью, вся покрывается одной политической формой» [1, т.2, с. 107].

Ученый выдвигал положение о том, что великорусская народность должна была бороться «за свое существование на востоке, на юге и на западе» [1, т.2, с. 96]. Эту роль Москвы историк показывал как в отношении внутренних соперников (Тверь, Новгород, Рязань), отмечая, в частности, что «тверской князь Михаил Александрович искал себе опоры в Литве и даже в Орде, чем погубил популярность, какой дотоле пользовались тверские князья в населении Северной Руси» [1, т.2, с. 22], так и внешних врагов. «На старшего московского князя привыкли смотреть как на народного

вождя Руси в борьбе с внешними врагами, а на Москву – как на виновницу первых народных успехов над неверной Литвой и поганями» [1, т.2, с. 22]. При этом ученый не пояснял, каким образом московские князья, которые во внутренней борьбе не брезговала обращаться к татарам, приобрели «значение национального вождя Северной Руси в борьбе с внешними врагами» [1, т.2, с. 22]. Этими основными врагами в тот период были татары – «самый беспокойный враг» и «на западе верстах в 100 с чем–нибудь за Можайском в Смоленской области стояла Литва, самый опасный из врагов Москвы» [1, т.2, с. 101]. Опасность ВКЛ для Москвы Ключевский связывал с «королем» Витовтом, однако в отличие от предшественников не развивал этой темы, ограничиваясь замечанием, что «Василий Димитриевич сдержал напор этого грозного короля на православную Русь» [1, т.2, с. 25].

Заключение. Таким образом, второй период русской истории в интерпретации В.О. Ключевского был временем борьбы Москвы за объединение восточной России и формирования в едином государственном организме великорусской народности. Историк даже считал, что основной факт, от которого пошли остальные явления, наполняющие историю России XV и XVI веков, – «завершение территориального собирания северо–восточной Руси Москвой превратило Московское княжество в национальное великорусское государство» [1, т.2, с. 107]. Основными соперниками Москвы он видел ВКЛ и Орду. Причем польско–литовское государство, по его мнению, выступало более опасным соперником в связи с тем, что оно представляло иной общественно–политический путь развития, чем Москва.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ключевский, В.О. Соч. В 9 т. / В.О. Ключевский. – М.: Мысль, 1987–1990.
2. Ключевский, В.О. Боярская Дума древней Руси / В.О. Ключевский– 4–е изд. – М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1909. – 554 с.
3. Ключевский, В.О. Лекции по истории Западной Европы в связи с историей России / под редакцией Р.А.Киреевой; ИРИ РАН. — М.: НП ИД «Русская панорама», 2012. — 504 с.
4. Ключевский, В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории / В.О. Ключевский. – М.: Наука, 1968. – 528 с.
5. Коялович, М.О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинения / М.О. Коялович. – 3–е изд. – Мн.: Лучи Софии, 1997. – 688 с.
6. Кизеветтер, А. А. На рубеже столетий. Воспоминания. 1881 – 1914 / А. А. Кизеветтер. – Прага: Издательство Орбис, 1929. — 524 с.
7. Ключевский, В.О. Характеристики и воспоминания / В.О. Ключевский. – М.: Научное слово, 1912. – 217 с.
8. Милуков, П.Н. Главные течения русской исторической мысли / П.Н. Милуков. – СПб.: издание М. В. Аверьянова, 1913. – 342 с.
9. Нечкина, М.В. Василий Осипович Ключевский / М.В. Нечкина. – М.: Наука, 1974. – 640 с.
10. Цамутали, А.Н. Борьба направлений в русской историографии в период империализма: Историографические очерки / А.Н. Цамутали. – Л.: Наука, 1985. – 331 с.
11. Черепнин, Л.В. Очерки истории исторической науки в СССР / Л.В. Черепнин, В.О. Ключевский. – М.: Академия наук СССР, 1960. – Т. II. – С. 146–170.
12. Астахов, В.И. Курс лекций по русской историографии / В.И. Астахов. – Харьков: Изд–во Харьковско–го ун–та, 1965. – 584 с.
13. Шапиро, А.Л. Русская историография в период империализма / А.Л. Шапиро. – Л.: Изд–во ЛГУ, 1962. – 236 с.
14. Киреева Р.А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г / Р.А. Киреева. – М.: Наука, 1983. – 214 с.
15. Киреева, Р.А. В.О. Ключевский как историк русской исторической науки / Р.А. Киреева. – М.: Наука, 1966. – 230 с.
16. Сахаров, А.М. Историография истории СССР: Досоветский период. – М.: «Высшая школа», 1978. – 256 с.
17. Александров, В.А. Предисловие / В.А. Александров, В.Л. Янин, В.О. Ключевский // Сочинения: в девяти томах. – Т. I. Курс русской истории. Часть I. / под ред. В.Л. Янина. – М.: Мысль, 1987. – С.5–32.
18. Киреева, Р.А. За художником скрывается мыслитель: Василий Осипович Ключевский / Р.А.Киреева // Историки России. XVIII– XX века. – М.: Наука, 1996. – 434 с.
19. Киреева, Р.А. История европейского человечества (лекции В. О. Ключевского по всеобщей истории) / Р.А. Киреева // Россия и Европа. – М.: Наука, 2007. – № 4. – С. 149–166.
20. Нечухрин, А.Н. Теоретико–методологические основы российской позитивистской историографии (80–ые гг. XIX – 1917 г.) / А.Н. Нечухрин. – Гродно: ГрГУ, 2003. – 348 с.

21. Иллерицкая, Н.В. Историко-юридическое направление в русской историографии второй половины XIX в. / Н.В. Иллерицкая. – М.: РГГУ, 1998. – 160 с.
22. Щербань, Н.В. Памяти великого историка. К 165-летию со дня рождения В. О Ключевского / Н.В. Щербань // Отечественная история. – 2006. – № 2. – С. 78–89.
23. Шаханов, А.Н. Вопросы истории / А.Н. Шаханов, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский. – 2000. – № 3. – С. 146–155.
24. Попов, А.С. Оценка В.О. Ключевского как «историка-социолога» в российской историографии / А.С. Попов // Социальные науки: история, теория, методология. – М., 2000. – Вып. 2. – С. 67–84.
25. Попов, А.С. Преемственность историографической традиции / А.С. Попов, В.О. Ключевский, С.Ф. Платонов // Государство и общество. Проблемы социально-политической и экономической истории России. – Пенза, 2003. – Вып. 1. – С. 38–42.
26. Щербань, Н.В. В.О. Ключевский о смуте / Н.В. Щербань // Отечественная история. – 1997. – № 3. – С. 96–106.
27. Попов, А.С. Школа Ключевского, синтез истории и социологии в российской историографии / А.С. Попов. – Пенза, 2002. – 400 с.
28. Попов, А.С. Историческая социология В.О. Ключевского / А.С. Попов. – Пенза: ПГПУ, 2010. – 145 с.
29. Гришина, Н.В. «Школа В.О. Ключевского» в исторической науке и российской культуре. / Н.В. Гришина. – Челябинск: Энциклопедия, 2010. – 288 с.
30. Михайлова, Е.Е. Философия истории В.О.Ключевского и его учеников: Проблема социокультурного развития / Е.Е. Михайлова. – М.: Московский гуманитарно-экономический институт, 2003. – 102 с.
31. Бернс, Р.Ф. В.О.Ключевский, историк России. / Р.Ф.Бернс. – Блумингтон-Индианаполис. – 1995. – 304 с.
32. Эммонс, Т. Ключевский и его ученики / Т. Эммонс // Вопросы истории. – 1990. – №10. – С.45–61.
33. Баранов, М.В. Философия истории В.О. Ключевского / М.В. Баранов. – [Электронный ресурс]. – М., 2007. – 212 с. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/filosofiya-istorii-vo-klyuchevskogo>. – Дата доступа: 24.04.2015
34. Мазалова, В.Ю. Вклад В.О. Ключевского в разработку исторической социологии / В.Ю. Мазалова. – Саратов, 2005. – 156 с.
35. Киреева, Р.А. Лучший образец русской исторической литературы / Р.А. Киреева // В.О. Ключевский. О нравственности и русской культуре. – М.: Наука, 1998. – С. 3–35.
36. Filatowa, N. Polska w rosyjskiej myśli historycznej / N. Filatowa // PolacyRosjanie / 100 kluczowychpojęć // podred. A. Magdziak-Miszewskiej, M. Zuchniak, P. Kowala. – Warszawa: Biblioteka «Więzi», 2002. – S. 21–34.
37. Blachowska, K. Narodziny imperium. Rozwoj terytorialny panstwa carow w ujeciu historykow rosyjskich XVIII i XIXwieku / K. Blachowska. – Warszawa: Biblioteka «Więzi», 2001. – 310 s.
38. Serejski, M. Europa a rozbiory Polski / M. Serejski. – Warszawa, 1970. – 518 s.
39. Kruczkowski, T. Polityka polska Katarzyny II w ocenie Wasyla Kluczewskiego / T. Kruczkowski // Rosja – Polska – Bałkany XVIII–XX w. – Szczecin, 1998. – S. 101–115.
40. Нечухрин, А.Н. Цивилизационный подход в российской историографии рубежа XIX – начала XX в. / А.Н. Нечухрин // Problemy cywilizacyjnego rozwoju Białorusi, Polski, Rosji i Ukrainy od końca XVIII – do XXI wieku. – Краков: Изд-во Ягеллонского ун-та, 2007. – С. 11–18.
41. Ключевский В.О. Неопубликованные произведения / В.О. Ключевский. – М.: Наука, 1983. – 416 с.
42. Гейсман, П. А. Начало конца Польши. Введение в историю борьбы за объединение России при императрице Екатерине Великой. / П. А. Гейсман, А.К. Ильенко. – СПб.: тип.воен.-кн. маг. Н.В. Васильева, 1897. – 254 с.
43. Кареев, Н.И. Новейшая польская историография и переворот в ней / Н.И.Кареев // Polonica.Сборник статей по польским делам (1881 – 1905 г.). – СПб., 1905. – С. 132– 208.
44. Jakowenko, N. Historia Ukrainy od czasów najdawniejszych do końca XVIII wieku. / N. Jakowenko. – Lublin: Instytut Europy Środkowo-Wschodniej, 2000. – 397 с.
45. Сагановіч, Г. Нарыс гісторыі Беларусі ад старажытнасці да канца XVIII ст. / Г.Сагановіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 2001. – 62 с.
46. Szybieka, Z. Historia Białorusi / Z. Szybieka. – Lublin: Instytut Europy Środkowo-Wschodniej, 2002. – 571 s.
47. Любавский, М.К. Литовско-русский сейм / М.К. Любавский. – М.: Имп. о-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1900. – 850 с.

**HISTORY OF RUSSIA THE SECOND PERIOD AND OF THE POLISH–RUSSIAN
RELATIONS AT THAT PERIOD
IN THE INTERPRETATION OF V.O. KLIUCHEVSKI**

T.T. KRUCHKOUSKI

Summary

In the work of well-known liberal historian V.O Kliuchevski specific place occupied Polish history. The article examines the place and role of Poland in the second period of Russian history under historiosofic concept V.O Kliuchevski. Historical Polish Studies scholar presented in the context of his principal work – «Course of Russian history», as well as on the background of the common positions of Russian historiography. History of Poland regarded by historians mainly in the context of military and political rivalry between Moscow and ON and their struggle for the western Russian lands. In the context of the historical role of Poland and Polish studies and in the history of Russian ON creativity V.O Kliuchevski only selectively investigated and special complex historiographical research on our stated problems was conducted.

Key words: historiography, Kluchevskij V.O., the Polish–Russian relations

© Кручковский Т.Т.

Поступила в редакцию 2 апреля 2015г.